

УДК 008

Основные критерии выделения локусов медиации в культуре современного города

Коршунова Дарья Андреевна

Аспирант 3 года обучения,
Южный федеральный университет,
344002, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42;
e-mail: barbery12@mail.ru

Аннотация

Общественные пространства в городской структуре всегда являлись значимым показателем уровня культуры и развития в целом городского сообщества. И связано это, в первую очередь, с тем, что каждое отдельное публичное открытое место создает общую городскую коммуникативную среду. В настоящей статье представлены результаты исследования городских пространств с наиболее интенсивной коммуникацией, так называемых «локусов медиации», выделены их отличительные черты и приведены основные признаки, характеризующие это явление. Автор сравнивает «локус медиации», «культурную сцену» и «третье место», указывая на их сходства и различия. В статье поднимается тема встречи с Другим в пространствах локусов медиации. Так же раскрывается значение медиации как способа регулирования коммуникации в «локусе медиации». Итогом медиации является срединная культура – получение нового результата, новых элементов культуры, не сводимых к старым. Особое внимание уделяется коммуникативному аспекту существования «локуса медиации», и, в том числе, рассматриваются особенности визуальной коммуникации. Свободный, хорошо спланированный и безопасный для людей «локус медиации» может стать одним из тех мест, побывав в которых индивид-горожанин получает набор «знаний» о жизни в городе и обменивается им с другими.

Для цитирования в научных исследованиях

Коршунова Д.А. Основные критерии выделения локусов медиации в культуре современного города // Культура и цивилизация. 2018. Том 8. № 5А. С. 293-304.

Ключевые слова

Публичное пространство, локус медиации, коммуникация, культурная сцена города, социальный слой, третье место, инверсия, культурные взаимоотношения, вербальная культура, визуальная культура.

Введение

Город – это не только особый тип поселения, но и место встречи людей. Встреча происходит с целью взаимодействия, взаимообмена, коммуникации – непосредственной и опосредованной. Публичные пространства города – площади, парки, улицы – выполняют функцию катализатора указанных процессов. Специалисты по изучению культуры города придерживаются мнения, что социокультурная динамика публичных пространств играет центральную роль в формировании городского сообщества и культуры города. Данная проблематика освещается в значительном массиве литературы (Э. Амин, Х.Ардент, А.С.Ахиезер, Ж.Бодрийар, С.Веселова, В.А.Глазычев, Т.М.Дридзе, Б.В. Марков, Ю.Хабермас, Л.А.Штомпель и др.).

Публичные пространства несут в себе огромный потенциал. Городские улицы, парки, центральные площади и другие общественные пространства, как часть культуры города, считаются одними из символов коллективного благополучия горожан и их возможностей, показывают уровень их культуры и уровень развития городского сообщества. Существует определённая связь между уровнем напряжённости, возникающим при коммуникации в публичных пространствах города, и уровнем развития культуры города, уровнем удовлетворенности горожан своим городом. Это отражено в работах Е.Н. Даниловой, Дж.Джекобс, Р. Ольденбурга, Л.Холлиса.

Открытость публичных пространств, их демократичность и доступность отмечали такие авторы, как Р.Сеннет, У. Уайт, Л.Лофланд, И. Гоффман, Ш. Зукин, Д. Джекобс, Р. Ольденбург воспринимали публичное пространство как сцену. Сцена понимается в этом контексте как место, в котором развивается публичная жизнь и протекает коммуникация. В этом смысле публичное открытое пространство подразумевается, как наиболее значимая часть пространства города, создающая общую городскую коммуникативную среду.

«Локусы медиации» как пространства интенсивной коммуникации культуры современного города

Для определения публичного пространства обратимся к Р. Сеннету, который понимает под ним места, где происходят «множественные незапланированные взаимодействия», при которых «незнакомые люди могут встречаться и наслаждаться компанией друг друга» [Сеннет,2002,424].

Лин Лофланд определяет публичные пространства как: «...открытые, общедоступные пространства, приспособленные для пребывания людей, для «коммуникации незнакомцев», анонимных встреч горожан, социализации жителей» [Lofland, 1973,48]. Лофланд полагала, что отношение к публичному пространству зависит от социальных отношений, протекающих в нём, которые и формируют мнение по поводу того или иного общественного пространства. В классификации публичных пространств она выделяет три основных типа мест, или «локусов», а именно: памятные места, знакомые места, домашняя территория. Под домашней территорией автор понимает места, где горожане могут позволить себе вести себя как хотят, буквально ощущают, как дома. Знакомые места - неформальные пространства баров, магазинов шаговой доступности, которые являются постоянным местом встречи со знакомыми или частью привычного маршрута. Последний тип локусов в классификации Л.Лофланд – памятные места. Это места, фокусирующие моменты коллективной истории и памяти, под которыми понимаются храмы, городские парки, центральные площади городов.

Точки притяжения горожан, отличающиеся интенсивным характером коммуникации, которые аккумулируют в своём пространстве основные события городской истории, являющиеся важной частью исторической памяти горожан, значимы для культуры города.

«Локусы» в культурном пространстве города, где коммуникация наиболее интенсивна, мы предлагаем называть «локусами медиации». Локусы медиации не только аккумулируют и транслируют отдельные моменты коллективной истории и памяти, но и под действием процессов коммуникации создают новые элементы культуры современного города.

Локусы медиации — это городские парки, площади, центральные и пешеходные улицы, рынки, храмы. Именно модерация коммуникации и многочисленных социальных и культурных взаимодействий незнакомых людей в публичном пространстве представляются нам одной из главных функций «локуса медиации». Так же отличительной чертой «локуса медиации» является его востребованность. В качестве обязательных критериев существования «локуса медиации» мы можем назвать посещаемость горожанами, присутствие в виртуальном пространстве города, а также отражение актуальной культуры.

Понятие «локус», впервые в гуманитарных науках, стал активно употреблять М.Ю. Лотман. В его трудах по семиотике появляется мысль о связи героя с определённым местом, «локусом». «Локус» понимается учёным как пространство, попадание в которое равно попаданию в ситуацию конфликта. П.З. Гольдин понимает под локусом: «...такое пространство, которое субъект (персонаж текста) может лично прочувствовать или представить, «физически» ощутить. Локус – то место, где происходят локальные события, разворачивается «местная» жизнь» [Гольдин,2012, 66-69]. Т.В. Субботина отмечает, что локус – это пространство, включенное в культурный текст, имеющее привязку к конкретному месту, не бесконечное, то есть имеющее физические размеры и границы [Субботина,2011,112]. Границами локуса медиации могут быть естественные преграды природного либо строительного происхождения. Границы же локуса медиации определяются индивидами, которые его посещают. Не вся территория публичного пространства парка будет локусом медиации. Но только та её часть, которая востребована среди горожан и представляется им относительно безопасной для построения диалогов.

Культурное пространство современного города не гомогенно. Выполняющие функции «культурного пограничья» города, «локусы медиации» становятся теми пространствами, где встречаются представители разных культурных, социальных, этнических, возрастных групп и практически неосознанно изменяют одновременно себя и окружающую их, не всегда понятную им, реальность города. Благодаря коммуникации происходит появление новых культурных элементов, которые могут быть инфильтрированы и приняты контактирующими культурами. Вспомним идеи В.С. Библера о том, что центр культуры находится на ее границе - там, где она встречается с другими культурами [Библер,1997,165]. Локусы медиации являются одним из проявлений той границы, которую описывает Мишель Фуко в работе «Археология знания»: «Высказывания изучаются на границе, которая отделяет их от того, что не сказано, в инстанции, которая заставляет их появиться, в своем отличии от всех остальных» [Фуко,1996,120].

Сравнительный анализ «локуса медиации», «культурной сцены» и «третьего места»

Обратимся к концепту «культурной сцены», который по своим характеристикам подобен «локусу медиации». В статье «Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодежных сообществ» Е.Омельченко и С. Поляков описывают

культурную сцену как: «...локально организованный социальный мир – неформальную сеть людей, сообществ и организаций, совместно производящих и репрезентирующих некий жизненный стиль. В рамках «сцены» социальные отношения тесно переплетены друг с другом, облегчен переход от одной роли к другой. Режим вовлечения в «сцену» более либеральный (по сравнению с субкультурой). «Сцены» сенситивны к непосредственным географическим и институциональным контекстам, конкретные локальные практики могут быть ориентированы на транслокальные или виртуальные коллективы» [Омельченко, Поляков, 2017, 111-132]. В статье подчёркивается, что сцена это – определённое место. И каждое место коммуникации: «...обладает своими материальными характеристиками и наделяется особыми смыслами, а виртуальная «сцена» становится уникальным местом встречи, где географически удаленные региональные участники включаются в сообщество» [там же]. Это те части публичных пространств города, где проводят время представители: «этнических диаспор или отдельных молодёжных субкультур» [там же].

Подобно локусам медиации, культурные сцены включены в пространство города, способны влиять на его культуру. Однако, «локус медиации» – понятие более широкое. В локусах медиации происходит коммуникация людей различных социальных и культурных слоёв, этничностей и возрастов. В культурных сценах же коммуникация разворачивается между людьми с одним, общим жизненным стилем. Эти люди принадлежат к одной этнической группе, субкультуре. Наполнение и способ коммуникации, разворачивающейся в культурных сценах, подводит нас к мысли о том, что они являются одними из тех медиаторов, которые, наполняя пространство локуса медиации, позволяют поддерживать коммуникацию на стабильно высокоэффективном уровне. Сцена позволяет увидеть, насколько то или иное сообщество гетерогенно внутри, что даёт возможность своевременно отслеживать негативные культурные тенденции, зарождающиеся в локусах медиации. Так, уличный воркаут, расположенный в парке, как одно из проявлений культурной сцены, может стать значимой частью данного локуса медиации, или его суб-локусом.

В современной гуманитарной литературе мы встречаем понятие «третье место». Р. Ольденбург в работе «Третье место» описывает его специфику. «Третьи места» представляют собой: «...родовое понятие для большого разнообразия публичных мест, в которых происходят регулярные, неформальные, добровольные, радостно ожидаемые встречи индивидов вне рамок работы и дома» [Ольденбург, 2014, 58].

«Локусы медиации» не тождественны «третьим местам». В отличие от неформальной и дружественной обстановки третьего места, которая обусловлена ожиданием встречи только со «Своими», в «локусах медиации» происходит встреча преимущественно с «Другими». В современном культурном пространстве присутствуют различные, порой противоречивые модели отношения к «Другому». Первая модель подразумевает, зачастую, отторжение «Другого», враждебное отношение к нему, исходящее из принципов интолерантности. Постепенно указанное отношение может распространяться с одной группы «других» на иные группы. Вторая модель – это отношение к «Другому», как к интересному чужаку. В этом случае он наделяется положительными качествами «Своего» и может адаптироваться в принимающем сообществе, однако только номинально, являясь объектом приязни и интереса, и неприязни одновременно. «Другой» жизненно важен нам, он необходим, дабы определить границы собственной идентичности, чтобы испытать нашу систему ценностей и представить их окружающим. Когда «Чужого» нет, его необходимо сконструировать.

«Локус медиации» как пространство встречи с Другим

Отношения «Чужой – Другой – Свой» или «Я – Ты» были предметом интереса философского анализа ряда значительных мыслителей. При анализе проблем взаимодействия индивидов-горожан в публичных пространствах города Л.Лофланд оперирует понятием «Чужой» или «Чужак». Термин «Чужак», «Другой» был предложен Г.Зиммелем в работе «Экскурс о чужаке» [Зиммель, 1994,7-12]. По мнению Зиммеля «Чужак» — это не входящий в социальную группу человек, который при этом сложным образом может соотноситься с этой группой. «Чужак» лишён чёткой самоидентификации, он находится на границе культур и систем. Поэтому он не может занять одну из сторон в конфликтах между социальными и культурными системами. «Чужак» в силу отсутствия вовлеченности в жизнь социальной группы может выполнять роль стороннего наблюдателя и критически рассматривать протекающие в ней процессы. Именно этим он ценен для группы. Тема «Чужака» как представителя другой культуры так же поднимается Л.Лофланд. В данном контексте она определяет «Чужака» следующим образом: «человек, которого лично не знаешь, но он визуально доступен» [Lofland,1973,18]. Публичное пространство включает в себя людей из разных «символических миров», а не просто незнакомцев [там же,8]. Культурный «Чужак», представитель иного «символического мира», непредсказуем, непонятны его цели, ценности.

Коммуникация между «Чужаками», «Другими» предполагает ряд особенностей. Реакция членов социальной группы в таком случае находится в диапазоне от страха до интереса. Зачастую, если «Чужак» не опасен для группы, то при коммуникации проявляется интерес, ограниченный настороженностью. Проблему диалога с «Другим» в пространстве культуры разрабатывал философ, сторонник диалогической концепции изучения культуры Мартин Бубер. Он характеризует это отношение следующими словами: «Другой — то, что не есть Я, иное по отношению ко мне, и в то же время подобное мне, равный мне субъект, обладающий свойствами личности. Суть отношения Я—Ты между человеком и человеком есть ощущение непреодолимой потребности в Другом, волевая и моральная концентрация чьего-либо бытия на Другом» [Бубер, 1995,237]. Автор полагает, что «Я» всю жизнь стремится к взаимодействию с другим и замечает, что оппозиция «Я-Ты (Другой)» возникает в человеке на уровне инстинкта. Стремление проявиться и отстоять «Я» при встрече с «Ты» наиболее выражено на Границе, где «Я» становится наиболее уязвимо. Описываемый как основной принцип человеческого бытия диалог, согласно М. Буберу, бывает трёх разновидностей: технически-инструментальный диалог, как диалог с целью осуществления повседневных забот и смещения фокуса понимания на определённый предмет; монолог, выраженный в форме диалога, направленный не на другого, а вглубь самого себя; подлинный диалог, в котором «актуализируется не просто личное знание, а все бытие человека ... бытие-у-себя совпадает с бытием-в-другом, с бытием партнера по диалогу») [Бубер,1999,144-145].В определенной степени сходные мысли высказывалась и русским философом С.Франком, который неоднократно подчеркивал, что «Я» возникает впервые лишь озаренное и согретое лучами «Ты», никакого «Я» не существует до встречи с «Ты». Отношение «Я – Ты», формирующее в себе сущее «Я» как некую точку реальности, соотносимую с «Ты», формирует одновременно и единство «Мы» [Франк,1990].

В локусах медиации культуры современного города происходят процессы осознания «Себя» через «Другого». По мнению П. Бурдые, с которым нельзя не согласиться: «ничто так не далеко друг от друга и так невыносимо, как социально далекие друг другу люди, которые оказались рядом в физическом пространстве...» [Бурдые,2007]. В «локусах медиации» встреча с

«Другими» неизбежна. Каждому из нас нужен «Другой», необходимо конструировать его и возвращать, дабы сохранять личностную и культурную целостность. Мы вынуждены в публичных пространствах «локусов медиации» сталкиваться с «Другими», такими же в сути, как мы. «Локусы медиации» позволяют поставить себя на место «Другого» и до предела визуализировать инаковость свою на фоне инаковости другого.

Мартин Бубер в своей работе «Я и Ты» также раскрывает понятие «между» [Бубер, 1995, 16-92]. В данном случае «между» характеризует определенную сферу, которая выступает как место и носитель межчеловеческого события, сфера межчеловеческих отношений [там же]. «Между» никому не принадлежит, оно находится буквально между «Ты» и «Я». «Между» создаёт определённое измерение. Оно доступно тем, между кем оно возникает, между человеком и человеком. «Фундаментальным фактом человеческой экзистенции - утверждается в «Проблеме человека» - будет «человек с человеком» [там же]. И далее, «по ту сторону субъективного, по эту сторону объективного, на узкой кромке, где встречаются «Я» и «Ты», лежит область «между» [там же].

«Локусы медиации» являются этой областью «между». «Между», но не между людьми, а между различными культурными и социальными традициями, вероисповеданиями. Диалог создает пространство «между», которое наполняется собственными контекстами и начинает жить жизнью, независимой от участников взаимодействия. Для них оно неуловимо и открывается только для стороннего наблюдателя, «наивного» исследователя. Такими «наивными» исследователями являются индивиды – горожане во всём своём разнообразии, изучающие культурное пространство города, посредством коммуникации в «локусах медиации» одновременно формирующие его. «Другой», как сторонний наблюдатель, имеющий возможность наиболее ясно отслеживать процессы, происходящие в локусах медиации - составляющих культурного пространства города, первым замечает зарождающиеся культурные тенденции. Противопоставляющая себя «Другим» масса горожан наблюдает за ними и, таким образом, так же получает информацию об актуальных изменениях в культуре. «Локусы медиации», являются пространствами, где посредством медиации реализуется подлинный диалог между индивидами – горожанами и публичным пространством в культуре современного города. «Другие» позволяют поддерживать процессы конструирования идентичности горожан, укреплению их связей с городским сообществом.

Медиация как способ регулирования коммуникации в локусах медиации

Среда «локуса медиации» конфликтогенна. Существует необходимость разрешения противоречий, которые возникают в ней. В «локусах медиации» современного города важным является поиск промежуточного, оптимального для всех сторон варианта, отказ от биполярности для более свободного процесса осмысления того или иного явления. Для этого необходима медиация. В пространстве «локусов медиации» разворачивается подлинный диалог, где всё бытие человека, проявляющееся в его ценностях, целях, убеждениях сталкивается с бытием «Другого». Этот диалог, сопровождаемый медиацией, и позволяет формировать новые смыслы, как синтез жизненных концепций. Медиация — процесс наращивания рефлексии соответствующего субъекта через формирование последовательной системы все более конкретных оппозиций [Леви-Стросс, 70,161].

А. С. Ахиезер пишет: «Медиация ... является формированием ранее неизвестных в данной культуре альтернатив», «новых смыслов» [Ахиезер, 1998,61]. Основополагающими в

концепции Ахиезера стали понятия «инверсия» и «медиация». Оба этих термина понимаются автором как скрытые логические формы деятельности и сознания человека. «Инверсия является логической формой самого простого способа принятия решения, заключающегося в простом выборе между двумя вариантами» [Кондаков,1994,60]. Инверсия в ходе исторического процесса развития культуры перетекает в медиацию. А.С.Ахиезер сравнивает процесс медиации со «сложным сканированием». Данное сравнение показывает, что в ходе медиации поиск вариантов не заканчивается нахождением одного из ранее существовавших в культуре. Происходит поиск некоего промежуточного варианта, отвечающего новым, более сложным условиям. Для медиации, в отличие от инверсии, характерна нацеленность на получение нового результата, отказ от статичности и неизменности, стремление к идеалам будущего, прогрессу. Целью медиации, в отличие от инверсии, является формирование ранее не существовавших в данной культуре альтернатив и увеличение их количества. Инверсия позиционирует своим идеалом «старое» и «отжившее», медиация – «новое» [Ахиезер,1997,69-70]. Напряжённость, возникающая между двумя этими полюсами оппозиции, является утверждённой в культуре активной силой воспроизводства нового, она подобна пружине, которая развёртывает логические формы мысли и деятельности. Целью медиации является формирование ранее не существовавших в данной культуре альтернатив и увеличение их количества. В первую очередь медиация направлена на создание новых смыслов, на получение новых форм культуры, ранее не существовавших. Необходимо отметить, что в локусах медиации посредством живого, либо опосредованного контакта реализуется готовность к сотрудничеству, происходит взаимная идентификация, формируется взаимопонимание, взаимоуважение.

Горожанин является одновременно носителем культурного наследия и инициатором коммуникационно-культурных взаимоотношений. Однако коммуникация может быть не только позитивной - привычной, но и негативной – непривычной. Такая коммуникация приводит к дискомфортному состоянию в результате разрыва конструктивной напряжённости личности и сообщества. Дискомфорт происходит вследствие попадания в привычную для индивида культурную среду чужеродных, инокультурных элементов. Для горожанина, попадающего в «локус медиации», где реализуется позитивная коммуникация, характерно погружение в состояние синойкизма. Эдвард Соја понимает под синойкизмом: «состояние, которые складывается в результате совместного проживания в определенном домашнем месте или пространстве» [Soja^{2003,269-281}]. Итогом медиации является то, что Н. Бердяев называл средней или срединной культурой - получением нового результата, новых элементов культуры, не сводимых к старым, к ее крайним полюсам [Бердяев,1990,31]. Вся культура конструируется как один из результатов медиации. Эта культура – срединная культура - возникает как следствие ограниченности культуры, которая существовала ранее. Возможность формирования срединной культуры - показатель меры развития медиации и в то же время уровня развития культуры.

Особенности коммуникации в локусах медиации

Глубина контакта и качество послания в локусах медиации зависит от каждого конкретного локуса, от обстановки внутри него, от уровня принятия индивидами друг друга. Это могут быть контакты с конкретными, прагматичными целями, а могут быть полноценные взаимодействия индивидов, направленные на репрезентацию своего культурного багажа и обмен ценностями. Очень важен для эффективной коммуникации комфорт каждого её участника, а также наличие

некоей общей идеи, которая собирает индивидов в пространстве локусов медиации. Коммуникация в художественной галерее будет значительно отличаться от коммуникации на центральной площади в момент городского праздника, хотя оба пространства в той или иной степени можно характеризовать, как локусы медиации. Линч полагает, что именно встречи горожан, происходящие инкогнито, участвуют в процессе формирования открытого для всех коммуникативного пространства, где появляется чувство причастности к городу, способствующее понижению уровня напряжённости в социуме. Наиболее опасными и не комфортными горожанам кажутся места, неиспользуемые в повседневности или незнакомые [Lynch¹⁹⁶⁰]. Страх перед неизвестным общественным пространством, преступностью приводит людей к желанию ограничиться посещениями только социально гомогенных сообществ [Low,2001,45-58]. При этом они оказываются внутри замкнутого круга. Сокращение, отсутствие опыта пребывания в общественном пространстве вместе с другими горожанами, посещение только определённых общественных мест усиливает страх перед пребыванием в публичном пространстве. Эта проблема применительно к публичному пространству «локуса медиации» представляется довольно серьёзной, так как при потере актуальности он перестаёт быть реальным актором культурного пространства города и выполнять свои основные функции.

«Локус медиации» в культурном пространстве современного города может возникнуть стихийно, а может быть сформирован сознательно. Примером сознательно сформированного локуса медиации может являться больничный комплекс с парком или зал ожидания на вокзале, а примером стихийно сформированного — митинг на центральной площади. Однако и в первом и во втором случае происходит создание альтернативных культурных форм, выступающих способом становления личностной и социальной идентичности, самовоспроизводства культурного пространства современного города.

В пространстве локусов медиации происходит живой контакт, соединение интересов людей кардинально различных, реализуется связь посредством их готовности к сотрудничеству и обоюдному следованию определённым правилам поведения. Данные правила определяются набором кодов, которые помогают снизить вызванный шумом риск ошибки при обмене информацией. Под шумом понимается: «...возникающая в канале связи помеха, способная исказить физические характеристики сигнала» [Эко,2006,37]. Шумом при коммуникации в пространстве современного города может являться бросающаяся в глаза одежда представителя популярной субкультуры или татуировки, которые в нашей стране ассоциируются с причастностью к криминальной среде. Такие «помехи связи» могут привести к разрушению сложившихся коммуникационных потоков «локуса медиации», что, в свою очередь, приведёт к выключению конкретного локуса из публичного пространства города. Стоит отметить, что в «локусе медиации» мы можем наблюдать явление, отмеченное Мишелем Фуко, а именно: «Два человека могут одновременно сказать одно и то же, но, поскольку их двое, будет два разных акта высказывания» [Фуко, 1996,102]. То есть, каждый человек воспринимается другими через призму не только вербальной коммуникации, но, в первую очередь, коммуникации невербальной, а также своего внешнего облика и стереотипов, которые бытуют в обществе по отношению к его социальной или религиозной группе, например. А так как общение в пространстве локусов медиации не предполагает длительности, и его участники не могут узнать каждого индивида, как личность, то происходит автоматическая стигматизация некоторых членов социума и отказ от взаимообмена с ними.

В ходе рассмотрения коммуникационных процессов, происходящих в «локусах медиации», обратимся также к визуальной коммуникации. Визуальный язык является для культуры

современного города важным, так как именно посредством внешних визуальных проявлений мы можем узнать и понять отдельные проявления культуры того или иного города. Ричард Сеннет упоминает о качественных изменениях публичной культуры, постепенно трансформирующейся из вербальной в визуальную. Но изменение своей формы и наполнения оставляет неизменной свои основные функции. Публичное пространство остаётся площадкой не просто «смотрения», но столкновения с другими горожанами. Сами «локусы медиации» посредством визуального языка передают наиболее актуальные моменты культуры того или иного города. Это является одним из самых ярких отличий «локуса медиации» от любого другого публичного пространства. «Локус медиации», подобно зеркалу отражает культурные ценности, особенности, тенденции той местности, где он находится. Мы можем сравнить два городских парка, находящихся в центре города. И тот, который окажется наиболее современным, работающим как транслятор культурно исторического наследия, притягивающим людей разных возрастов и, что так же важно, не только горожан, но и гостей города, и будет «локусом медиации». По той же схеме можно рассматривать площади, рынки, торговые центры. Вокзал так же может быть «локусом медиации», если он не только выполняет функцию «перевалочного пункта», но и привлекает жителей как пространство, где можно встретиться для неформальной беседы, посидеть на площади перед зданием, где, например, оборудованы рекреационные зоны, и где также можно сделать фото для приложения Instagram. Если мы зайдём в это приложение, то сможем по хештегам найти наиболее популярные публичные пространства города – «локусы медиации». Это будут те пространства, где жители делают наибольшее количество фотографий и выкладывают их на свои личные страницы.

На создание стереотипов, связанных с визуальным аспектом коммуникации, влияет её относительная не однозначность и долговременность. Как пишет М. Спиллейн: «Будете ли вы доверять судье, который одет в оранжевую мантию или же женщине-полицейскому, которая одета в розовую униформу? Конечно, нет. Мы привыкли воспринимать определенные цвета и образы, как производящие впечатление власти и авторитета, тогда как другие приводят к обратному результату» [Спиллейн, 1996,52]. Вышеупомянутая стереотипизация и, в некоторых случаях, стигматизация возникают при отсутствии медиации, которую в этом случае можно сравнить с процессом монтажа при производстве художественного фильма, который характеризуется как: «соположение в предельно близком пространстве-времени двух отличающихся друг от друга по денотатам или структуре изображений» [Иванов,1994,119]. Процесс монтажа, так же, как и процессы коммуникации, происходящие при участии медиативного компонента, позволяют оказаться рядом двум или нескольким индивидам, наполненным личными сомнениями, страхами и стереотипами для того, чтобы совершить взаимообмен и получить вдохновение для личного жизнетворчества и построения культурного пространства современного города, создать в этом диалоге нечто новое. Так как «локус медиации» - пространство, порождающие своей деятельностью смыслы, то можно сказать, что все коммуниканты служат здесь не просто для создания нового, но и для выражения основных тенденций культуры общества.

В пространстве локусов медиации, где происходит постоянное появление новой информации, создаются возможности для ее обмена, и существует огромное количество выборов, необходимо нечто, упорядочивающее информационные потоки. Именно для этого существуют коды, которые при коммуникации помогают преодолеть шум и получить сообщение. Код представляет собой систему вероятностей, которая накладывается на равновероятность исходной системы, обеспечивая тем самым возможность коммуникации.

Объясняя понятие «код» в научной работе «Отсутствующая структура. Введение в семиологию» У. Эко пишет: «Иными словами, благодаря коду определенное означающее начинает соотноситься с определенным означаемым» [Эко,2006,39]. Бесконечное количество сочетаний, возникающих в результате соприкосновения индивидов, и являющихся, по сути, источником информации об окружающей реальности, попадая под влияние динамичной социальной системы города, становятся новой системой внутри культурного пространства современного города – «локусом медиации».

Заключение

Свободный, хорошо спланированный и безопасный для людей «локус медиации» может стать одним из тех мест, побывав в которых индивид-горожанин получает набор «знаний» о жизни в городе и обменивается им с другими: «Больше всего людей привлекают другие люди. Но многие городские пространства спроектированы так, будто дело обстоит с точностью наоборот» [Coleman, 2011, 37]. К числу таких «знаний» можно отнести осознание необходимости толерантно относиться к представителям иных культурных традиций и вероисповеданий, понимание, приобщение к городу и его культуре, уважение к истории и традициям города и наконец – интерес к городу, стремление внести свой вклад в благоустройство городского пространства. По мнению Карра, Фрэнсис, Ривлин и Стоун: «в хорошо продуманном и хорошо управляемом публичном пространстве броню повседневной жизни можно частично удалить, что позволит нам увидеть Других, как таких же как мы, людей» [Carr,1993,344].

Библиография

1. Ахиезер, А. С. (1997) Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф. С.69-70.
2. Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. -240 с.
3. Библер В.С. На гранях логики культуры: Книга избранных очерков. - М., 1997. - 440с.
4. Бубер М. Я и Ты. – М., 1995. – с. 16-92.
5. Бубер М. Диалог// Два образа веры. М.: ООО Изд-во АСТ, 1999. с. 144-145.
6. Бурдые П. Физическое и социальное пространство // Социология социального пространства. М.: Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 2007. — 288 с.
7. Гольдин П.З. Топонимика, локус и топос малых улиц в парадигме семиотики. Тамбов: Грамота, 2012. № 11 (25): в 2-х ч. Ч. II. С. 66-69.
8. Зиммель Г. Эскурсе о чужаке. // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Владимир Даль. с. 7-12.
9. Иванов В. В. Дионис и прадионисийство. – М. 1994. -. 350 с.
10. Кондаков, И. В. Введение в историю русской культуры (теоретический очерк) / И. В. Кондаков. - М.: Наука, 1994. – 378 с.
11. Ольденбург. Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. Новое литературное обозрение. 2014. — 456 с
12. Омельченко Е., Поляков С. Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодежных сообществ // Социологическое обозрение. 2017. №2. С.111-132.
13. Сеннет Р. Падение публичного человека / пер. с англ. О. Исаева, Е. Рудницкая, Вл. Софронов, К. Чухрукидзе. – М.: «Логос», 2002. – 424 с.
14. Спиллейн М. Создайте свой имидж. Руководство для женщин. – М., 1996. – 149 с.
15. Субботина Татьяна Валерьевна Локус, топос, урбоним, микротопоним: к вопросу о содержании пространственных понятий // Вестник ЧелГУ. 2011. №24. С.111-113.
16. ФранкС.Л. Сочинения. – М., 1990.-. 608 с.
17. Фуко М. Археология знания. – К., 1996. - 448 с.

18. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. с итал. В. Резники А. Погоняйло. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 432 с.
19. Coleman E. From Public Management to Open Governance: A New Future or the More Things Stay the Same. Coventry: University of Warwick, April 2011. Dissertation.
20. Edward W. Soja, 'Writing the City Spatially,' *City*, 2003 vol. 7, no. 3, p. 269–281.
21. Lofland L. H. A World of strangers. Order and action in urban public space. N. Y.: BasicBooks, 1973. – 223 p.
22. Low, Setha M. 2001. The Edge and the Center: Gated Communities and the Discourse of Urban Fear. *American Anthropologist*, New Series 103(1):45–58.
23. Lynch, Kevin. *The Image of the City*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, Harvard University Press., 1960.p. 252.

The main criteria for selection of loci of mediation in the culture of a modern city

Dar'ya A. Korshunova

Postgraduate of third year,
Southern Federal University,
344002, 105/42, Bol'shaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: barbery12@mail.ru

Abstract

Public spaces in the city structure have always been a significant indicator of the level of culture and development in the whole urban community. And this is due, first of all, to the fact that each separate public open place creates a common urban communicative environment. This article presents the results of the study of urban spaces with the most intensive communication, the so-called "mediation loci", their distinctive features are highlighted, and the main features characterizing this phenomenon are listed. The author compares the "locus of mediation", "cultural scene" and "third place", indicating their similarities and differences. The article raises the topic of meeting with the Other in spaces of mediation loci. The importance of mediation as a way of regulating communication in the "mediation locus" is also disclosed. The result of mediation is the middle culture - obtaining a new result, new elements of culture that are not reducible to the old. Particular attention is paid to the communicative aspect of the existence of the "locus of mediation", and, in particular, the features of visual communication are considered. A free, well-planned and safe for people "locus of mediation" can become one of those places, after which the individual citizen receives a set of "knowledge" about life in the city and exchanges it with others.

For citation

Korshunova D.A. (2018) Osnovnyye kriterii vydeleniya lokusov mediatsii v kul'ture sovremen-nogo goroda [The main criteria for selection of loci of mediation in the culture of a modern city]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 8 (5A), pp. 293-304.

Keywords

Public space, mediation locus, communication, cultural scene of the city, social stratum, third place, inversion, cultural relations, verbal culture, visual culture.

Referenes

1. Akhiezer, A.S. (1997) *Russia: Criticism of Historical Experience (Socio-cultural Dynamics of Russia)*. T. 1. From the past to the future. Novosibirsk: The Siberian chronograph. P.69-70.
2. Berdyaev N.A. *The fate of Russia*. M., 1990. - 240 p.
3. Bibler, V.S. *On the fringes of the logic of culture: The book of selected essays*. - M., 1997. - 440s.
4. Buber M. *I and You*. - M., 1995. - p. 16-92.
5. Buber M. *Dialogue // Two Images of Faith*. Moscow: Publishing House ACT, 1999. p. 144-145.
6. Bourdieu P. *Physical and social space // Sociology of social space*. M.: Institute of Experiments. sociology; St. Petersburg., 2007. - 288 c.
7. Goldin P.Z. *Toponymy, locus and topos of small streets in the paradigm of semiotics*. Tambov: Diploma, 2012. № 11 (25): in 2 hours Part II. C. 66-69.
8. Simmel G. *Excursus about the stranger. // Sociological theory: history, modernity, prospects*. Almanac of the magazine "Sociological Review". Spb. Vladimir Dahl. from. 7-12.
9. Ivanov V.V. *Dionysus and predionism*. -M. 1994. -. 350 s.
10. Kondakov, I.V. *Introduction to the history of Russian culture (theoretical*
11. *essay) / IV Kondakov*. - M.: Science, 1994. - 378 p. *essay) / IV Kondakov*. - M.: Science, 1994. - 378 p.
12. Oldenburg. R. *Third place: cafes, coffee shops, bookstores, bars, beauty salons and other places of "parties" as the foundation of the community*. *New literary review*. 2014. - 456 s
13. Omelchenko E., Polyakov S. *The concept of the cultural scene as a theoretical perspective and a tool for the analysis of urban youth communities // Sociological Review*. 2017. №2. P.111-132.
14. Sennet R. *The fall of a public man / trans. with English*. O. Isaeva, E. Rudnitskaya, Vl. Sofronov, K. Chukhrukidze. - Moscow: "Logos", 2002. - 424 p.
15. Spillane M. *Create your image. A guide for women*. - M., 1996. - 149 p.
16. Subbotina T.V. *Locus, topos, urbonym, microtoponim: to the question of the content of spatial concepts // Bulletin of the CSU*. 2011. № 24. C.111-113.
17. Frank S.L. *Compositions*. - M., 1990. -. 608
18. Foucault M. *Archeology of knowledge*. - K., 1996. - 448 p.
19. Eco U. *The missing structure. Introduction to Semiology / Trans. with ital. V. Reznik and A. Pogonyaylo*. - St. Petersburg: Symposium, 2006. - 432 p.
20. Edward W. Soja, 'Writing the City Spatially,' *City*, 2003 vol. 7, no. 3, p. 269–281.
21. Lofland L. H. *A World of strangers. Order and action in urban public space*. N. Y.: Basic Books, 1973. 223 p.
22. Low, Setha M. 2001. *The Edge and the Center: Gated Communities and the Discourse of Urban Fear*. *American Anthropologist, New Series* 103(1):45–58.
23. Lynch, Kevin. *The Image of the City*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, Harvard University Press., 1960. p. 252.